

В ОДНО из воскресений прошлого лета бродил я узенькими глиняными улочками старой Бухары. Дорога вела меня на площадь Ляби-хауз — к огромному водоему, над которым склонились могучие вековые тутовые деревья. Много перевидели они — не одно поколение людей пережили. Под одним из них я заметил седобородого старика.

— Что ты здесь делаешь, ата? — спросил я. — Тише, тише, — шепотом проговорил старик, — я слушаю пение волшебной птицы.

Над водоемом стояла тишина, но старик, приложив руку к уху, внимал каким-то слышимым ему одному звукам.

— Неужели ты глухой? — спросил меня старик. — Прислушайся. Разве ты не слышишь этих волшебных трелей?

И старик поведал мне удивительную легенду, одну из тех, которые из поколения в поколение передаются в моем народе.

* * *

...Было это давно. Жила в маленьком кишлаке девушка необыкновенной красоты, дочь бедного дехканина. Но самым большим даром, которым наградила ее природа, был голос — звонкий, чистый, как у ночного соловья. Девушка пела, когда шла за водой, или прибирала в доме, когда собирала хворост, чтобы разжечь огонь, или готовила обед. Любое пение, кроме молитв, считалось в то время греховным, но отец так любил свою дочь, что делал вид, будто не слышит ее песен.

Но вот однажды приехал в кишлак богатый бай. Проезжая мимо дома, где жила девушка, он заметил ее. В тот же день в дом пришли

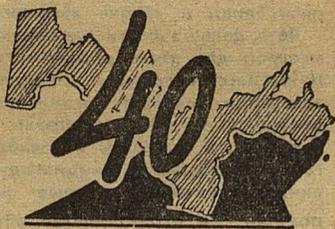
два байских приспешника и сказали, что бай забирает девушку себе в жены.

Так попала девушка в Бухару, в байский дом. По ночам она горько плакала. Бай под страхом смерти запретил ей петь. — Твое пение навлечет на мой дом беду, — говорил он, — Ты должна быть счастлива уже оттого, что живешь в моем доме.

Но девушка не могла не петь. Ее наказывали, морили голодом, и вскоре она стала похожа на старуху. По ночам, лежа в своей постели, она по-прежнему пела, изливая в песнях всю боль своего сердца. Однажды бай сказал ей: — Если ты не замолкнешь, я замурую тебя в холодный каменный склеп, и там уже никто не услышит твоих песен. — Это были последние слова бая, сказанные девушке. На рассвете все узнали, что ровно в полночь она бросилась в эмирский водоем. Но странное дело — с той поры поселилась под крышей каменного строения, поднимающегося над водоемом, какая-то неведомая птица. Никто не знает, что это за птица. Она то разливается соловьем, то голос ее звенит пронзительно и настойчиво, точно взывая к отмищению. Много раз повелевал бай изловить неведомую птицу, но никому не удавалось этого сделать. Прошли годы, давно уже нет бая, но по-прежнему раздается над Ляби-хаузом пение волшебной птицы.

— Это поет сердце девушки, — сказал старик. — Оно напоминает о далеких и горьких временах, о той жизни, которая ушла в прошлое и никогда не возвратится. Вот опять запела, слышишь?

Рассказ старика остался в моей памяти. И я вспомнил его еще раз, читая книгу замечательной узбекской актрисы Халимы Насыровой. Книгу, в которой она

рассказала о своей жизни, о жизни тысяч и тысяч узбекских женщин, освобожденных Великим Октябрем.

«Солнце над Востоком», так называется эта книга, выпущенная издательством «Молодая гвардия» в Москве. Поэтично и взволнованно поведала в ней Халима о своей судьбе. Порой книга тоже чем-то похожа на народную легенду. Только у этой легенды, в отличие от той, которую рассказал мне старик, счастливый конец. А начало ее, начало такое же грустное. Да иначе и быть не могло.

Халима родилась в бедном кишлаке Таглык. Она была девятым ребенком в семье. Девятой девочкой! Нужда не выходила из дома. Отец Халимы шил ичиги. Но сколько он мог заработать, когда вокруг жили такие же бедняки, как и он сам! Для того, чтобы сбыть свою продукцию, отец часто ездил в Коканд. Возвращался оттуда обычно мрачный. И вообще он был странным человеком, отец Халимы! В свое время он окончил медресе. Но должностные муллы не прельщала его. Он вернулся в родной кишлак и стал заниматься ремеслом. Он любил литературу, мог часами наизусть читать Навои. У него был хороший голос. Но порой отца охватывало какое-то смятение. Он становился замкнутым, грубым, часами ожесточенно молился. В такие дни в доме стояла тишина, девочки испуганно прятались по углам.

Однажды отец вернулся

ЛЕГЕНДА,

из Коканда особенно мрачным. Не отвечая на расспросы матери, он нервно ходил из угла в угол по комнате. Все, что попадалось ему под ноги, грубо отшвыривал в сторону. Так продолжалось долго. Наконец, отец проговорил:

— Я был на тое. Я слушал, как пели, и смотрел, как танцевали. Я сам пел. Теперь аллах покарает меня за это.

Мать — Хасиятхон — попыталась успокоить отца, но это только усилило его гнев. Испуганные дочери убежали к арыку. Тесно прижавшись друг к другу, они молча сидели у арыка, прислушиваясь к звукам, которые доносятся из дома. Какие только страшные картины не рисовались им. Им казалось, что отец в гневе может убить мать. Но что это? Вдруг до их слуха донеслось пение. Печальная, одинокая песня плыла над кишлаком. И пел ее... их отец! Они вернулись домой. Сидя на стареньком коврике, расстеленном на полу, раскачиваясь из стороны в сторону, отец пел свою любимую старую песню. Глаза его были закрыты, а по щекам медленно текли слезы. Халима впервые видела отца таким. Она робко подошла к нему и уткнула голову ему в колени. Отец погладил волосы Халимы, вздохнул и тихо сказал:

— Дульхон, моя Дульхон!..

«Это была первая и единственная ласка, которую я получила от отца», — пишет Халима Насырова.

Вскоре отец умер. Только в последние минуты своей жизни он понял, как

неправ был, слепо веря богу и муллам. Последними словами отца были проклятия аллаху.

...В далеком Петрограде произошла революция. Слухи о ней донеслись и до затерянного в горах кишлака. Разговоры о большевиках, которые несут освобождение народу, не утихали в каждом доме. Обозленный мулла заставлял всех молиться, он говорил о том, что большевики восстали против аллаха и их ждет неминуемая кара.

А вскоре в дом Хасиятхон явились родственники и мулла. Они велели мате-

ри Халимы убираться прочь. Ведь по закону второй жене и дочерям не полагалось наследства. С топорами в руках они пошли в сад, посаженный руками отца. Больно отдавались в сердце удары топоров. Сад был порублен до последнего дерева. Потом они по балкам стали разбирать дом и укладывать его на арбы. Халима не узнавала своего двора. За день он превратился в пустырь. Мать молча стояла в стороне и смотрела, как разрушают ее очаг, которому она отдавала весь свой труд, все тепло сердца.

ИМЯ КОТОРОЙ — ЖИЗНЬ

Они переночевали у соседей. А рано утром мать решила идти в город. Она сильно изменилась за это время. В глазах появились воля и решительность.

Образ матери — Хасиятхон — один из самых ярких в книге Халимы Насыровой. Халима показывает, как пробуждается в отсталой, неграмотной, забитой женщине новый человек, готовый бороться за свое право быть свободной. С детства мать ходила батрачить к баям. С детства познала всю тяжесть женской доли. Но, несмотря на горькую жизнь свою, никогда не падала духом. Даже в дни, когда, казалось, судьба лишила ее последней радости — родного дома.

В Юканде Хасиятхон с маленькими дочерьми долго ходит по городу в поисках работы. Это было очень трудное время. Советская власть утверждалась в Узбекистане, но враги ее были еще очень сильны. Они отчаянно сопротивлялись всему новому, особенно освобождению женщин.

— У нас своих нищих хватает, — отвечали во многих домах на просьбу Хасиятхон о какой-нибудь работе.

Но свет не без добрых людей. Хасиятхон посоветовали обратиться в городской женский отдел. Там она впервые увидела Турахон. Турахон была бесстрашным человеком. Одной из первых узбечек она сняла паранджу. Турахон тепло побеседовала с Хасиятхон и направила девочку в детский дом, открывшийся недавно.

Сердечно, с теплым юмором рассказывает Халима Насырова о своей жизни в детском доме. Все здесь ей

было в новинку. Впервые на нее надели новую одежду — до этого Халиме доставались лишь обноски от старших сестер. Ей показали ее кровать — маленькая Халима с недоумением разглядывала ее, ведь раньше она не только никогда не спала на кровати, но даже и не знала о существовании такой вещи. Когда ее уложили спать, Халима долго не могла заснуть, ей казалось, что она вот-вот свалится. Когда все ее подружки заснули, девочка слезла с кровати, постелила одеяло на пол под кроватью и легла туда. После трудного путешествия с матерью она так устала, что не услышала утреннего подъема. Ее долго искали во дворе, выглядывали на улицу, и только сестра Халимы Айша сообразила, где может быть девочка. Рассказ этот нельзя читать без улыбки.

В детском доме был организован кружок самодеятельности. Сестра Айша стала участвовать в нем, но Халиму не принимали — она была еще маленькая. Это очень огорчало девочку.

И вот однажды она впервые увидела настоящих артистов. Они выступали в городском саду. Особенно запомнилась Халиме грациозная девушка-танцовщица. Как она танцевала и пела! С горящими глазами следила за ее движениями Халима. Ничего красивее она еще никогда не видела. Но не всем нравился танец девушки. «Безбожница! Гнать ее! Забросать камнями!» — слышался то там, то тут злой шепот. Это была юная Тамара Ханум.

Этот вечер запал в сердце Халимы. Она решила стать такой же, как Тамара.

«Я буду артисткой, — думала она. — Буду со сцены звать женщин открыты свое лицо, буду звать их к свободе, к новой, счастливой жизни».

И вот уже Насырова — студентка женского педагогического техникума в Ташкенте. Там она начинает всерьез заниматься искусством, участвует в самодеятельности. За это время многое изменилось и в жизни ее матери, Хасиятхон. Она сняла паранджу, стала активисткой, вступила в партию. Хасиятхон часто ездила по отдаленным кишлакам, рассказывала о своей жизни, призывала женщин бороться за свое освобождение. Вместе с матерью стала ездить и Халима. Она поет новые песни, читает стихи. Поначалу на нее смотрят со страхом. Профессия актрисы по законам шариата считалась позорной. Но этого мало, «даже тот, кто смотрит на лицедея, берет тяткий грех на свою душу», — гласит шарият. Но взволнованный голос юной артистки, ее уверенные слова о счастье не могли не тронуть женщин. Бывало, что Халиму не отпускали со сцены в течение нескольких часов. Она чувствовала себя бесконечно счастливой.

Проходит еще некоторое время — и вот уже Халима играет в настоящем театре. На всю жизнь запомнила она спектакль, с которым ее театр выступал в Юканде — городе, в который когда-то они пришли с матерью. Пьеса «Айдын» рассказывала о судьбе молодой женщины, которая погибает от рук баев. Необыкновенное волнение охватило Халиму. Ей пора уже было выходить на сцену, но вдруг она

почувствовала, что забыла текст роли. Что делать? Она вышла. Зал замер. В напряженной тишине было слышно дыхание сотен людей. И вдруг хриплым голосом кто-то выкрикнул: «Бесстыдница!» Халима вздрогнула, вспомнила все — свое детство, горькую долю своей матери, поняла, как невинна должна быть ее героиня защитникам старины.

Халима Насырова считает, что именно на этом спектакле произошло ее рождение как актрисы. В последний день гастролей в Юканде она получила записку: ей грозили адом на нее и убийством на земле. Но молодая женщина уже твердо выбрала свой путь, и ничто не могло испугать ее.

Враги не сдавались. Немало замечательных людей нового Узбекистана погибло от рук басмачей. Среди них были и талантливые актеры, такие, как Турсунной Саидазимова, одна из первых советских актрис-узбечек. Турсунной была подругой Халимы. Ее гибель больно отозвалась в сердце. Насырова заменила Турсунной — она выступала в ее ролях, старалась во всем поступать так, как поступила бы ее погибшая подруга.

Однажды в дверь Халимы постучался незнакомый человек.

— Я хорошо знал твоего отца, был его другом, — сказал незнакомец. — Брось театр, пока тебя не убили. Уезжай из Ташкента, это говорю я, друг твоего отца.

После гибели Турсунной слова эти звучали грозным предостережением. Но и они не испугали Халиму.

«Лучше погибнуть от руки врага, чем отказаться от выбранного пути», — думала она.

В эти годы новая мечта овладевает сердцем Халимы Насыровой. До сих пор она играла только в драматических спектаклях. А между тем сердце ее тянулось к музыке, она мечтала о создании первого узбекского музыкального театра. У нее был звонкий, красивый голос, и вскоре решено было отправить Халиму в Москву учиться в консерватории.

В Москве Насырова становится ученицей великой русской певицы Антонины Васильевны Неждановой. Здесь она знакомится со многими замечательными людьми. Большая дружба связывает ее с Василием Ивановичем Качаловым. В консерватории открывается узбекская студия. Спустя несколько лет выпускники этой студии организовали первый в Узбекистане национальный оперный театр.

* * *

...Много лет прошло с тех пор. Сегодня Халима Насырова — гордость узбекского народа, ее знают и любят не только в нашей республике, но и во всей Советской стране. Она народная артистка Советского Союза. Высоко несет Халима это звание. Она объездила множество стран мира и всюду пела о счастливой судьбе женщины Советского Узбекистана, рассказывала о том, как изменилась жизнь ее земли за годы Советской власти.

Однажды в одной из зарубежных поездок к ней за кулисы пришла старая женщина.

— Вы и есть Халима Насырова? — спросила она. Да, — отвечала Халима.

— И это действительно вы поете? — спросила женщина. Халима не поняла вопроса. И тогда женщина объяснила ей, что буржуазные писатели распространяют о ее голосе всякие небывлицы. — Они говорят, что поет вовсе не Халима Насырова, а машина, выдуманная коммунистами. Долго смеялись они потом над этой выдумкой.

Книга Халимы Насыровой «Солнце над Востоком» автобиографична. Но она не только об одной судьбе. Нет, это книга о судьбе женщины нового Востока, женщины, освобожденной великой революцией. Жизнь Халимы — как символ жизни всего свободного Узбекистана, всего узбекского народа, чей талант мог так ярко и вдохновенно раскрыться только благодаря великой борьбе партии коммунистов за свободу всех народов. Закрываешь эту книгу, а в памяти — ее последние строки. Вот они:

«Я вспоминаю отца. Он сидит на старой рваной кошме, бледное лицо его печально, глаза закрыты, он поет. Поет красивую, печальную песню. Он поет, а грудь его сжимает холодный страх — за пение его накажет аллах!.. Все это позади! Мне очень горько, что мой отец не слышит моего пения, пения женщины свободного Узбекистана, он не слышит песни, разносящейся по всему миру, — песни о расцветшей жизни, песни о Советской стране, песни о солнце, вставшем над моей землей».

А. АКБАРОВ.